

Глава XII. Перед грозой

Пусть душит жизнь, но мне уже не душно.

Достигнута последняя ступень.

И если смерть придет, за ней послушно

Пойду в ее безгорестную тень.

3. ГИППИУС, 1894 г.

Русский характер

Столь поразившее мир стремительное утверждение России в Маньчжурии не было обусловлено одними лишь экономическими интересами, подхваченными – за неимением иных дееспособных общественных сил – санкт-петербургской предпринимательской консорцией. Будь оно только так – русская экспансия в Маньчжурии, скорее всего, напоминала бы неспешную британскую колонизацию, сочетающую решительный захват ключевых сфер деятельности, бесцеремонное навязывание собственных товаров и услуг с развращением местных правителей, с циничной игрой на их пороках и противоречиях. Вполне вероятно, что при подобной модели России удалось бы в значительно большей степени закрепить свое влияние на северо-востоке Китая.

Однако характер русской экспансии был другим – что позволит и современникам, и людям нашей эпохи говорить о ее "мягкости", "неагрессивности", "ненасильственной ассимиляции" и т.д. Все это правда, и в силу именно этих факторов практически во всех уголках мира отношение к русским людям, поднимавшим флаг и делавшим свое дело на далеких землях, выгодно отличалось от отношения к европейским колонизаторам²²¹. Тем не менее причина этого связана не только с врожденными чертами национального характера русского народа, такими, как уживчивость, миролюбие, обостренное чувство сострадания и т.д. В самом деле – разве смог бы народ-"тихоня" покорить более $\frac{1}{6}$ обитаемой суши?

Причина, на наш взгляд, в другом: в сильнейшем, радикально превосходившем по своему волевому напряжению другие народы мира, акматическом идеале русского человека. Мы уже отмечали, что практически во всех социальных слоях и общественных группах – от крестьян до духовенства и дворянской аристократии – в силу

---

²²¹В конце XIX века к колониационной политике европейских стран присоединились также Япония и США.

многовекового отсутствия обустроенности целенаправленно не заземлялось, а вырывалось в горные, запредельные области. Связанная с ним колоссальная энергетичность в условиях феодально-административного типа общества не могла быть использована на результативное преобразование жизненной среды и, начиная со времен императора Петра I, выплескивалась вовне, сжигалась в бесчисленных войнах и походах. Новые земли обретались вовсе не с целью ресурсного грабежа или эксплуатации населения, но ради торжества великой, но в то же время весьма и весьма далекой от земных нужд идеи. "Конкистадор в панцире железном" Н.Гумилева, "весело преследующий звезду" мог появиться только в России. Настоящие испанцы отправлялись в Вест-Индию не за "лилеей голубой", а за банальным золотом, прокладывая путь к нему железом и кровью. "Конкистадоры" же русские удовлетворялись утверждением на обретенных землях таких принципиальных для себя, но необременительных и малопонятных местному населению вещей, как "суверенная и абсолютная"²²² власть Белого Царя и величие имперского флага, реющего "на страх врагам". Экономическая эксплуатация подчиненных территорий, как мы неоднократно имели возможность убедиться, никогда не ставилась во главу угла – по причине либо отсутствия в составе русского социума сил, способных к ее планомерному осуществлению, либо в силу их финансовой и политической недееспособности.

По этой причине новые территории могли удерживаться в составе империи или доминирующей военно-полицейской силой, или в результате глубокой и прочной ассимиляции местного населения немногочисленными русскими колонистами. Механизм закрепления земель путем ассимиляции успешно и в полной мере проявил себя при освоении Сибири, частично – на Кавказе, в Восточном Туркестане и на левобережной Украине. В то же время в Финляндии, Прибалтике и особенно в Польше ассимиляция оказалась несостоятельной. Наиболее веским из резонансов, по которым Польша, невзирая на крайнюю степень враждебности ее населения, удерживалась в составе России, была колоссальная стратегическая ценность Варшавского военного округа, в случае европейской войны позволявшего бы относительно легко и прочно – опираясь на

---

²²²До момента опубликования Манифеста от 9 октября 1905 года Император Всероссийский в соответствии с действующим законодательством определялся как "суверенный и абсолютный" правитель [173]. С конца 1905 года, после учреждения Думы и Совета Министров, власть царя перестала считаться абсолютной [174].

естественные рубежи южной Балтики и Карпат – отрезать Восточную Пруссию от Германии, а Галицию – от Австро-Венгрии. Схожая ситуация складывалась и в Маньчжурии. Несмотря на все усилия Витте по форсированному хозяйственному закреплению в регионе, за ничтожный срок с 1896 по 1903 гг. обрести в нем прочных позиций, обуславливавших бы жизнь и благосостояние местного населения и местных элит преимущественно присутствием России, так и не удалось. Ассимиляция густонаселенной Маньчжурии с развитым этническим самосознанием населения в обозримой перспективе также исключалась. В то же время русский флаг над Ляодуном, Харбином и Мукденом обеспечивал России стратегическое доминирование в Юго-Восточной Азии плюс дополнительные козыри во взаимоотношениях с традиционными партнерами. Как знать, не предпочли ли на этом фоне оппоненты Витте своим экономическим интересам возможность сыграть не последнюю роль в Большой политике²²³?

Так, начавшись с достаточно транспарантных финансово-экономических инициатив, русское присутствие в Северо-Восточном Китае быстро облеклось в военные формы. После отъезда домой тысяч рабочих, занятых на строительстве КВЖД и ЮМЖД, численность русских людей в погонах стала в разы превышать контингент гражданских лиц. И лишь Харбин, в котором “гражданские” обосновывались вместе с семьями, привозили родственников и заводили детей, продолжал оставаться островком русского мира среди неприветливого окружения, безопасно находиться в котором можно было лишь в “отмобилизованном” состоянии.

Флот как источник силы и мечты

В рассматриваемую нами эпоху высшей формой выражения вооруженной силы государства был флот. Именно во флоте конца XIX – начала XX веков технический прогресс совершил максимальный рывок, облекшись в

---

²²³Ни для кого из современников не был секретом быстрый политический рост зарубежных “колониальных наместников”, в частности вице-королей британской Индии лордов Дж.Рипона и Дж.Керзона. Хорошо знали в России и секрет возвышения Б.Дизраэли, сумевшего в 1858 году организовать технически непростую передачу управления Индией из рук Ост-Индийской компании непосредственно британской короне и в результате поднявшегося до поста британского премьер-министра (1868, 1874–1880 гг.), по своей значимости сопоставимого с самим монархом. Кто знает, не аналогичное ли карьерное поле планировал для себя Безобразов, создавая “Лесное товарищество”?

принципиально новые, поражающие воображение формы. В то время, когда в сухопутных силах – за исключением унифицированного обмундирования, штатных винтовок, нарезной артиллерии и единичных экземпляров автоматического оружия, мало что изменилось со времен наполеоновских войн, в военно-морских вооружениях произошли колоссальные перемены. Громоздкий паровой двигатель, составивший сущность технического прогресса XIX века, из всех систем вооружений мог быть размещен и использован только на флоте. Оказалось возможным спускать на воду утяжеленные броневыми поясами, глубоко сидящие в воде боевые корабли, обеспечить ход которым не смогла бы ни одна парусная система. Дополнительные ресурсы водоизмещения, немислимые у старых клиперов, корветов и фрегатов, позволяли размещать в трюмах огромные запасы угля и пресной воды для котлов, обеспечивающие впечатляющую автономность плавания²²⁴, а также монтировать в хорошо защищенных палубных башнях и казематах титанические по сухопутным меркам 305-мм нарезные орудия, принятые российским флотом на вооружение уже в 1877 году. Линейные корабли нового типа брали на борт огромные команды – от 500 до 700–800 человек, оставлявших на берегу тысячи одних только ближайших родственников; в силу единства жизни и смерти этих огромных масс соотечественников, военно-морской флот начинал восприниматься массовым сознанием не как один из многочисленных родов вооружений, а в качестве средоточия национальной силы, воли и судьбы. “Статус страны, обладавшей мощным военным флотом <на рубеже веков. – Авт.>, можно сравнить со статусом ядерной державы в наше время. Некоторые историки называют то время эпохой безудержного маринизма. Государи всех стран с головой отдались увлечению флотом, и это понятно: экономика каждого государства зависела от состояния морских путей – более восьмидесяти процентов мирового торгового оборота осуществлялось по морю. Флот стремительно развивался, превращался в центр аккумуляции всего самого передового” [175].

---

²²⁴Эскадренный броненосец конца XIX – начала XX вв. мог брать на борт до 2,300 тонн угля (крейсер – до 1,300 тонн), что при экономичном ходе обеспечивало автономность плавания до 32 суток (расход угля 70 т/сутки). А при боевом форсировании хода – который из-за угрозы повреждения котлов не мог продолжаться более 4–5 часов, – расход угля достигал чудовищной величины в 20–25 тонн в час, т.е. объема железнодорожного вагона!

В отличие от Англии, Испании и Франции, для которых флот за столетия их морской истории стал рутинным элементом жизни, для России, решившей порвать с традиционной континентальной замкнутостью, океанский флот – как только его строительство стало технически осуществимым – незамедлительно превратился в объект национального приоритета и инструмент активной международной политики. Так, 20 апреля 1890 года, обеспечивая сопровождение визита в Японию цесаревича Николая, на рейде Нагасаки соберется внушительная военно-морская армада в составе броненосных крейсеров "Память Азова", "Адмирал Нахимов" и "Владимир Мономах" в сопровождении множества канонерских лодок и вооруженных пароходов Добровольческого флота. Летом 1900 года броненосец "Петропавловск" примет участие в подавлении "боксерского восстания", перевозя войска, конвоируя транспорты и демонстрируя флаг во многих пунктах китайского побережья [176]. Знаменитый визит в русскую столицу императора Германии Вильгельма II 24 июля 1902 года будут сопровождать два новейших броненосных линкора "Победа" и "Ретвизан". На фоне сверкающих нарядной белой краской корпусов этих гигантов, готовящихся к скорому походу в Порт-Артур, кайзеровская яхта "Гогенцоллерн" будет выглядеть хрупкой изящной скорлупкой, а Вильгельм II, вполне искренне желая избежать с Россией возможных конфронтаций в Европе, за тостом предложит Николаю II стать "владыкой Тихого океана". Все русские броненосцы, направляясь с Балтики на Дальний Восток, в обязательном порядке посещали порты Дании, Франции, Испании, Греции, Мальты и Египта, Гонконг, неоднократно наведывались в Нагасаки. Не делалось секретов и из флотских учений, регулярно проводившихся в Желтом море. Благодаря своей Тихоокеанской эскадре, постоянно пополняемой новыми кораблями²²⁵, Россия не просто демонстрировала флаг, а на протяжении длительного периода времени реально обеспечивала безопасность дальневосточных приобретений и защиту интересов.

Военно-морская сила страны на Дальнем Востоке действительно представлялась внушительной и грозной. Россия, с 1861 года приступившая к строительству броненосных кораблей, внедрению корабельной нарезной артиллерии (1867 г.) и торпедных вооружений (1876 г.), в тот период по многим позициям военного

---

²²⁵В конце XIX – начале XX века русские военные корабли на Дальнем Востоке действовали в составе тихоокеанских эскадр Балтийского флота. Собственно Тихоокеанский флот будет образован уже в СССР в январе 1935 года.

судостроения обладала общепризнанным лидерством. Так, трудами знаменитого кораблестроителя контр-адмирала А.А.Попова нашему флоту первому удалось реализовать идею броненосных крейсеров с броневым поясом по ватерлинии: вступивший в строй 1878 году броненосный фрегат "Минин" считался одним из сильнейших крейсеров мира по совокупности скорости, защищенности и огневой мощи. Не менее выдающимися были и последующие броненосные крейсера "Владимир Мономах" и "Дмитрий Донской", под прямым влиянием которых знаменитый британский конструктор военных судов Н.Барнаби спроектирует крейсера знаменитых в свое время серий "Уорспайт" и "Орландо". Однако изящные стремительные крейсера-корветы с водоизмещением 5–6 тыс. тонн, длиной между перпендикулярами 90–95 м, шириной от 14 до 16 метров и вооруженные артиллерией не более 6 дюймов, идеально подходившие для активных действий на морских коммуникациях противника, не обладали необходимым для статуса "владыки Тихого океана" стратегическим весом. И, насколько позволяли технические возможности времени, ставка была сделана на создание броненосных линейных кораблей.

Эскадренные броненосцы являлись, пожалуй, высшим воплощением вооруженной силы и технических достижений своего времени. Обладая беспрецедентным для военных кораблей водоизмещением в 11–13 тыс. тонн²²⁶, длинами корпусов от 119 до 132 метров²²⁷, с толщиной бронирования бортов, в минимальном срезе достигавшей 22.9 см ("Севастополь"), а максимально – 40.6 см ("Петропавловск"), неся по четыре 10 или 12- дюймовых орудия²²⁸

---

²²⁶Водоизмещение "ближайших" по размерениям броненосных крейсеров не превышало 9.5–10.0 тыс. тонн, бронепалубных крейсеров – 5-7 тыс. тонн. Водоизмещение знаменитого бронепалубного крейсера "Варяг" составляло всего 6.5 тыс. тонн.

Столь же компактными, от 3 до 7 тысяч тонн, были и транспортные суда того времени. Лишь в части строительства пассажирских лайнеров имелись суда сопоставимого водоизмещения. Нетрудно понять, почему новейшие трансатлантические лайнеры "Луизитания" (1907 г., водоизмещение 30 тыс. т) и "Титаник" (1912 г., водоизмещение 46.3 тыс. тонн) считались, каждый в свое время, "кораблестроительным чудом".

²²⁷Расстояние между перпендикулярами 132 м имели броненосцы типа "Пересвет" (судостроительная программа 1895 г.), длина броненосцев программы 1901 года типа "Бородино" ("Суворов") составляла 119 м.

²²⁸12-дюймовые "дальнобойные орудия образца 1877 года" и близкие к ним 10-дюймовые орудия на броненосцах размещались во вращающихся бронированных башнях, оснащенных гидравлическими или электрическими приводами, подача снарядов из погребов осуществлялась электрическими элеваторами, зарядание – с помощью электроталей. Вес 12-дюймового корабельного орудия достигал 40–50 тонн, вес снаряда – 330 кг, дальность стрельбы достигала 80 кабельтовых (14.6 км) при длине

при значительном числе артиллерийских стволов меньших калибров и торпедных аппаратов, с численностью экипажей до 760 человек ("Пересвет"), эти величавые красавцы производили на современников неотразимое впечатление. Каждый такой корабль имел в себе по 4–5 тысяч тонн только одного первоклассного стального листа – для выработки такого объема вся русская металлургия того времени должна бы была работать от 8 до 10 суток [178], – и имел стоимость порядка 11–12 млн. золотых рублей, что соответствовало 4% годового военного бюджета, или трем календарным дням всех фискальных сборов Российской империи [179]. Русская тихоокеанская эскадра, представленная 7 броненосцами, 4 броненосными, 5 бронепалубными и 2 легкими крейсерами, 37 миноносцами, 2 минными заградителями, 3 канонерскими лодками и 5 вспомогательными судами [180], должна была зримо демонстрировать не только военную, но и экономическую мощь государства. И надо сказать, такая демонстрация не была фикцией: собранный на Дальнем Востоке отечественный флот к началу 1904 года численно соответствовал крупнейшему в регионе Императорскому флоту Японии – хотя и был представлен пусть и крупной, но все-таки лишь единичной эскадрой.

Никогда еще – ни в прошлые века, ни в последующем на протяжении XX века российский флот не отваживался, оставив районы прибрежного плавания, столь открыто и уверенно выполнять роль стратегического защитника военных и экономических интересов страны буквально на “краю света”. Неспроста новаторские идеи американского адмирала А.Мэхэна, обосновавшего в своей знаменитой книге "Влияние морской силы на историю" (1890 г.) стратегическую роль флота, базирующуюся на мощи линейных броненосных кораблей, в обеспечении национальных интересов государства вдали от его берегов, в России были восприняты раньше и полней, чем на родине их автора [181]. Неожиданно для всех, Россия из "континентальной" превращалась в "океаническую" державу, на несколько десятилетий опережая Соединенные Штаты в практической реализации доктрины *Sea Power* – "морской силы".

ствола в 40 калибров и 58 кабельтовых (10.6 км) для 35-калиберных орудий. Рекордную по тем временам дальность стрельбы – до 112 кабельтовых (20.4 км) обеспечивали 10-дюймовые 45-калиберные орудия броненосцев “Победа” и “Ослябя” [177].

**“Дело величавое
войны”**

Заманчивые перспективы нового способа самоутверждения в мире, устанавливающие качественно иные акматические идеалы и напитывающие человеческую деятельность высокой энергией, были абсолютно тем самым, в чем нуждалась весьма значительная часть общественно активного и дееспособного населения России, не готового прилежно и ответственно заниматься рутинным трудом на ниве "буржуазного обустройства". Начало XX века стало поэтому, наряду со временем впечатляющего экономического развития России, также и инкубатором идей, доводящих до предельного состояния традиционный идеал "счастья в борьбе". Некоторые из этих идей в своем последующем развитии уже весьма скоро ужаснут "старый милый мир". В этом контексте считаю уместным привести несколько пусть пространных, но важных цитат из работ известного военного теоретика и философа В.Заболотного, относящихся к анализируемой эпохе: *“не в мире, а на войне, в бою люди, без различия званий, чинов и положений, без градаций ума и капитала, жертвуют животной стороной своей организации в пользу духа, в пользу мысли, в пользу одухотворяющей их идеи.... В мире человек напрягает свои силы за себя, за родных, за близких ближних и тем проявляет острое чувство эгоизма; на войне, в бою он вольно или невольно, сознательно или бессознательно приобщается к высшему выражению альтруизма: все жертвуют собою, массой жертвуют за других, за общий интерес, за будущность грядущих поколений... Мир плодит трусость, слабость, дряблость, неспособность стоять перед опасностью... Серое, бедное, ничтожное племя, дегенератизм, отсутствие талантов, не говоря уже о гениальности, есть прямое следствие долгого миролюбия, отсутствия массовой опасности, массовых подвигов. Великие люди, великие идеи, как искры, как свет, являются результатом напряжения борьбы противоположностей, а война, захватывающая все виды человеческой деятельности, есть высшая степень ее выражения”*. Налицо, как видим, эмоционально окрашенное и решительное отрицание идеала обустройства как такового, жесткая и болезненная реакция на угасающую акматичность феодально-буржуазного общества, принципиальный отказ от поиска органичных жизненных основ. *“Вы восхищаетесь панорамой, какая открылась перед вами: дикие скалы, глубокие ущелья, горные потоки, снежные вершины. Но чему все это обязано? Что создало восхищающую вас картину? Борьба, катастрофа, испытанная самой нашей носительницей — планетой. Однообразная, без рытвинок, без холмиков равнина*

доказывает лишь то, что она не испытала ни малейшего колебания почвы... Стремление космополитов имеет целью выработать и среди человеческого рода такую же ординарность, какую представляет из себя без рытвинок, без холмиков равнина; но как немыслимо на земном шаре уничтожить обособленность, национальность! А раз существует разнообразие, индивидуальность, субъективизм, явление антагонизмов в той или другой степени есть естественное средство их наличности. Война ужасает нас своими жертвами, невинными, колоссальными... Почему художник с той же экспрессией своей кисти, с какой он представил нам поле деятельности Марса, не изобразил нам страдания, мучения, гибель людей на поле действия Меркурия? Отчего он не представил нам жертв фабрик, заводов, шахт, копей, железных дорог и прочих орудий мирной деятельности современного культурного человечества? ...Простой математический подсчет показывает нам, что железная дорога, не говоря уже о прочих орудиях промышленной деятельности нашего времени, дает нам раненых, калек и убитых больше, чем самые продолжительные кровопролитные войны" [182]. Что ж, сказано максимально открыто и прямо: война рассматривалась в качестве желанной и спасительной альтернативы экономической экспансии, простым и быстрым решением проблем, подступиться к которым Россия не решалась в течение столетий.

Будем объективны: такого рода подтекст в достаточной мере присутствовал в целеполагании и действиях значительного числа наших соотечественников, на долю которых выпало "открывать Дальний Восток". Без учета этого фактора невозможно в полной мере понять причины столь поразившей современников их почти религиозной убежденности в собственной силе и принципиального нежелания согласиться даже на тот минимум уступок и дополнительных устроений, способных отсрочить войну с Японией или лучшим образом подготовиться к ней.

Стороны делают окончательный выбор

На фоне впечатляющей военно-морской силы, сосредоточенной вокруг Порт-Артура и гарантирующей, казалось бы, "державную твердость" русского присутствия на этой земле, чувство незыблемости день за днем испытывалось множеством тревожных свидетельств о динамичных переменах, играющих, в основном, на руку нашим оппонентам. Достаточно сказать, что усилиями военного агента в Токио подполковника

В.Самойлова и военно-морского атташе А.Русина на протяжении всего 1903 года в Порт-Артур и Петербург буквально потоком поступали разведывательные данные об интенсивных и планомерных приготовлениях Японии к войне [183]. О скорой войне как о деле решенном писали не только иностранные, но и русские газеты. В декабре 1903 года доброжелатель-англичанин передал капитану крейсера "Забияка" подкрепленную копиями карт информацию о том, что нападение Японии на Порт-Артур состоится "в ближайшее время до объявления войны" [184]. Одновременность осознания порядка и размывающих его перемен составляла, по-видимому, основу мироощущения всех участников и действующих лиц маньчжурской эпопеи. Ее прямым следствием стали высокая нервозность, нерешительность и непоследовательность действий русских властей в гражданской, военной и дипломатической областях.

По этой причине весь предвоенный 1903 год прошел не в планомерной подготовке к вооруженной борьбе с серьезным и умным противником, а в калейдоскопе попыток то в очередной раз "продемонстрировать силу", убеждая противника в решимости нашего жесткого ответа – вплоть до нанесения превентивного удара, то, наоборот, намерений разрядить напряженность предложением значительных уступок. О внутренней слабости позиций "ястребов" свидетельствует, в частности, непостижимым образом усилившаяся в последние предвоенные месяцы чисто гражданская активность, когда, вместо дополнительных ассигнований на укрепление Порт-Артура, Министерство финансов форсировало работы по строительству объектов в незащищенном коммерческом порту Дальний, а грозные боевые корабли переводились в так называемый "вооруженный резерв". Если бы военная сила к 1904 году опиралась бы на развернутое присутствие в Маньчжурии русского капитала, позволившего бы хотя бы частично интегрировать эти земли в национальный хозяйственный оборот, и на твердую общественную убежденность в необходимости для России "стоять" на побережье Желтого моря, то предстоящая война с Японией, скорее всего, имела бы другой исход. Однако после мая 1903 года уже не было времени ни для завершения фортификационных работ и подтягивания с Балтики значительных подкреплений, ни для превращения Дальнего в популярный международный "порт-франко", вооруженные действия в районе которого означали бы для Японии серьезные международные неприятности.

На знаменитом министерском совещании 7 мая 1903 года²²⁹, на котором Николаем II был озвучен "новый курс" на Дальнем Востоке, открыто провозгласивший Маньчжурию зоной интересов России, была провозглашена и решимость защищать их всеми доступными способами, вплоть до применения вооруженной силы. В условиях новых угроз российским интересам в этом регионе договоренности о выводе из Маньчжурии русских войск оказались дезавуированными. Приняв решение о "новом курсе", Россия сознательно шла на риск обострения отношений со многими государствами, однако чувствовала в себе достаточно сил для этого. Японию, которая все еще не считалась серьезным противником, должна была сдерживать концентрируемая на Дальнем Востоке вооруженная сила, прежде всего военно-морская. Представлялось, что баланс складывается в нашу пользу. Великобритания после смерти в 1901 году королевы Виктории и воцарения короля Эдуарда VII, на фоне усиления англо-германских противоречий заинтересованного в нормализации отношений с Россией, уже была готова согласиться с русским влиянием в Маньчжурии и Северном Иране в обмен на предоставление ей свободы рук в Тибете и Афганистане. Двусторонние консультации по этим вопросам между Санкт-Петербургом и Лондоном активно велись весь 1903 год. Франция и Германия были согласны, не препятствуя планам России, сохранять дружественный нейтралитет. Казалось, только в отношениях с Китаем русская дипломатия шла на риск резкого обострения отношений, хорошо при этом понимая, что на крайние меры Пекин не пойдет – как в силу собственной слабости, так из-за нежелания других держав санкционировать невыгодный для себя прецедент разрыва отношений с одним из "интересантов".

Действительно, решение России "остаться в Маньчжурии навсегда", хотя и привело европейские державы в замешательство, со временем неизбежно было бы ими признано. Лишь одна Япония отказывалась идти на признание или обсуждать компромиссы. Располагая на Дальнем Востоке численно большими вооруженными силами и лучшими, в среднесрочной перспективе, мобилизационными возможностями, успешно завершая собственную военно-морскую программу, Япония если в чем и нуждалась, так только в небольшом запасе времени, необходимом для завершения военных приготовлений. Выдержав приличествовавшую трехнедельную паузу после обнародованных в Санкт-Петербурге решений, 10 июня в Токио на совещании у

---

²²⁹По старому стилю

императора Муцухито было принято окончательное решение о войне с Россией, завершение подготовки к которой надлежало скрыть путем активизации дипломатической активности. Вскоре японское посольство в Санкт-Петербурге получило инструкции премьер-министра Ю.Комуры об инициировании русско-японских переговоров с целью взаимоприемлемого размежевания на спорных дальневосточных территориях. Предлагая Санкт-Петербургу переговоры, Токио не только выигрывал время и сохранял лицо в преддверии войны, одним из условий победы в которой должно было стать нанесение первого удара без необходимого в таких случаях объявления о вооруженных действиях, но и получал дополнительную возможность – по реакции России на собственные "мирные" предложения – судить о ее реальных возможностях и планах.

Дипломатический пинг-понг

Изысканно вежливые предложения японской стороны к устранению из взаимоотношений двух империй "любых причин для недоразумений" вполне могли создавать у русских дипломатов ложное впечатление о нерешительности и сохраняющейся слабости противника. Поэтому Россия не спешила с формальным ответом. Ответом стали сообщения телеграфных агентств из "русской Маньчжурии". Так, с 1 июля 1903 года открылось регулярное движение поездов на КВЖД и ЮМЖД, а 30 июля императорским указом было учреждено наместничество на Дальнем Востоке со штаб-квартирой в Порт-Артуре, во главе с вице-адмиралом Е.И.Алексеевым. Наместничество обладало колоссальной властью: наместник подчинялся лично Императору и не имел вышестоящих инстанций в лице министерств, обладал правом прямых, минуя МИД²³⁰, дипломатических сношений с дальневосточными государствами, ему подчинялись русские послы в Пекине, Токио и Сеуле, он фактически командовал Первой тихоокеанской эскадрой и обладал почти паритетными с главнокомандующим сухопутными силами на Дальнем Востоке военно-мобилизационными полномочиями. Помимо Дальнего Востока, институт наместничества в Российской империи существовал в то время еще только на Кавказе. Наконец, 6

---

²³⁰При наместнике была создана Дипломатическая канцелярия, к которой МИДом были откомандированы профессиональные дипломаты. Но они подчинялись как наместнику, так и МИДу, так что говорить об абсолютной "независимости" наместничества в дипломатической сфере нельзя.

августа 1903 г. с поста министра финансов был смещен С.Витте – единственный чиновник высокого ранга, имевший по дальневосточным проблемам собственное видение. Будучи назначенным на малозначительный пост председателя Комитета министров (не путать Комитет с обладавшим реальной властью Советом министров, созданным в 1905 году), Витте лишился главного рычага своего влияния – права распоряжения колоссальными бюджетными средствами, в ту пору легко и охотно выделявшимися на военные и гражданские нужды на Дальнем Востоке.

В конце июля 1903 г. японской стороне был, наконец, направлен проект соглашения, по которому Россия выражала готовность: “1) установить взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китая и Кореи; 2) обоюдно признавать существование интересов Японии – в Корее, а России – в Маньчжурии; 3) обоюдно поручиться не препятствовать развитию... промышленных и торговых предприятий... и 4) признать со стороны России за Японией право давать корейскому правительству советы и указания по проведению реформ в стране и установлению в ней надлежащего управления” [185]. Легко видеть, что предложенный Россией проект не давал Японии практически ничего нового, кроме признания уже свершившегося *de facto* свертывания русских политических позиций в Корее. В лучшем случае он мог служить отправной точкой для переговоров о более конкретных уступках и размежеваниях.

Япония сделала вид, что принимает правила игры, предложив дополнить российский проект следующими положениями: согласием на 1) продолжение принадлежащей Японии Корейской железной дороги через Южную Маньчжурию к Пекину, на 2) размещение в Корее японских войск для защиты там японских интересов, на 3) оказание Японией Корее военной помощи для установления “хорошего управления” и, наконец, “в интересах других держав” – на 4) признание Россией “равноправности всех наций в торгово-промышленном отношении их с Китаем и Кореей” [186]. Эти предложения, содержащиеся в японской ноте от 30 июля, как видим, ставили крест на планах России по экономическому закреплению в Маньчжурии, обесценивая все усилия последних семи лет, финансовые затраты, а также человеческие жертвы, понесенные в боестолкновениях при подавлении “боксерского восстания” и отражения многочисленных атак хунхузов на русские железнодорожные и промышленные объекты. Ни о каком

"завершении в ближайшие годы начатых предприятий и успокоении Дальнего Востока" [187] речи здесь уже идти не могло речи.

Получив подобное предложение, Россия поступила так, как поступила бы в схожей ситуации любая великая держава, не желающая преждевременной "головной боли" – не стала спешить с ответом. Лишь спустя 52 дня, в ноте от 20 сентября, Россия согласилась признать *de jure* японский протекторат над Кореей с оговорками о недопустимости строительства фортификаций, способных ограничить судоходство по Корейскому проливу, и о создании нейтральной буферной зоны к северу от 39-й параллели. Помимо того что на указанной территории, в бассейне Ялу, располагалась знаменитая лесная концессия, нейтральная зона обеспечивала бы стратегическое прикрытие Ляодунского полуострова с востока. Одновременно от Японии было решительно потребовано признать первенство интересов России в Маньчжурии. Подтекст этого предложения был прост: "сдача" Кореи являлась максимумом, верхним пределом российских уступок. Далее Япония уже посягала на суверенные права и экономические интересы России в северо-восточном Китае – вполне законные и правомерные по нормам международного права того времени.

Вопреки пущенному в оборот российской либеральной прессой тезису о том, что причиной обострения отношений с Японией стала "безобразовская лесная концессия на Ялу" [188], и лесное предприятие, и отказ от вывода из Маньчжурии войск были лишь наиболее доступными для восприятия массовым сознанием поводами к войне. *Истинным предметом спора являлся контроль за миллионом квадратных километров северо-восточного Китая и его будущим экономическим развитием*, оттого и ставки игроков были куда выше, чем чьи-то частные интересы в деятельности приснопамятного "Лесопромышленного товарищества".

Прекрасно осознавая все это, Россия принципиально не желала соглашаться на большие уступки. Однако с целью избежать одновременного конфликта как с Японией, так и с Китаем в ноте от 1 августа 1903 года Пекину было обещано в течение годового срока освобождение от русских войск большей части территории Маньчжурии (с их последующей концентрацией в полосе отчуждения КВЖД, а также на реках Сунгари и Амур) при прежнем и неизменном условии: исключить в Маньчжурии иностранное экономические и военное присутствие. В этой же ноте китайская сторона официально извещалась о невозможности для России вследствие изменившихся обстоятельств выполнить требования

договора от 26 марта 1902 года о выводе войск в установленный срок до 26 сентября 1903 года – что, с учетом последовавших предложений по новым условиям снятия оккупации, не позволяло обвинять нашу страну в ее умышленном затягивании. Китай вполне мог согласиться с российскими предложениями, поскольку его неспособность обеспечивать собственными силами суверенитет над Маньчжурией в случае ухода оттуда России неминуемо привела бы к вхождению сюда Японии (что, собственно, вскоре и произойдет: после 1917 года Япония обеспечит здесь свое экономическое доминирование, а в 1931 году осуществит оккупацию Маньчжурии). При всей скудости выбора, иметь отношения с формально все еще союзной Россией для Пекина должно было оставаться более предпочтительным, чем с Японией, своим недавним врагом. Тем не менее под нажимом Англии Китай в очередной раз отказался принять российские предложения, и в сентябре 1903 года переговоры о выводе войск были окончательно прерваны.

Осенью 1903 года “диалог” с Японией активизировался вновь. В многочисленных нотах стороны безрезультатно обменивались друг с другом проектами соглашений “по Корее и Китаю”, при этом в их позициях вскоре обозначилось непримиримое противоречие: Япония, в качестве гарантии своих уже не обсуждаемых интересов в Корее и улучшения условий “для экономического развития” последней, требовала теперь уже полного и безусловного вывода русских войск из Маньчжурии. Россия же не только отказывалась обсуждать саму возможность “эвакуации”, но и твердо стояла на недопустимости использования Кореи в “стратегических целях”, аналогичным образом способных создавать угрозы российским интересам в Маньчжурии. Тогда Япония, словно специально провоцируя Россию к отказу от какого-либо компромисса, попутно потребовала также ухода русских и с Ялу, на берегах которой разворачивался абсолютно законный и один из немногих по-настоящему перспективных и рентабельных дальневосточных экономических проектов нашей страны²³¹.

---

²³¹В ноте от 17 октября 1903 года Япония, взамен российского предложения о буферной зоне на севере Кореи, потребовала создание полосы размежевания шириной по 50 километров в обе стороны от реки Ялу. Как ни странно, но в ноте от 28 ноября 1903 года Россия согласилась уступить в данном вопросе. По-видимому, подобный ход не просчитывался японской стороной, отнюдь не стремившейся добиться на переговорах реального результата, – вследствие чего в ответной ноте от 10 декабря Япония отклонила фактически достигнутую договоренность о размежевании по границе Кореи и Маньчжурии. *Как видим, пресловутая лесная концессия не была, да и не могла быть поводом к войне.*

Так рождаются империи

К 10 декабря 1903 года, если у кого и оставались надежды по поводу возможности разрядить дальневосточный кризис переговорным путем, то им надлежало навсегда исчезнуть: с этого дня Япония решительно и открыто стала осуществлять перед Российской империей демонстрацию военной силы. В стране была объявлена мобилизация; более не скрываемые от глаз иностранных дипломатов и военных агентов, интенсифицировались перевозки боеприпасов в военно-морские порты; к отправке в Корею были подготовлены несколько пехотных бригад, гражданские суда перефрахтовывались для военных нужд, число гражданских паровых рейсов в акватории Тихого океана было сокращено до предела. Военные приготовления велись более чем явно и демонстративно, к их освещению широко привлекалась пресса, о грядущей войне почти восторженно говорили на улицах, в клубах и т.д.

Молодая и динамичная островная империя, как в воздухе, нуждавшаяся для своего развития в обширных подконтрольных территориях на континенте, не боялась военного столкновения с величайшей империей мира, сосредоточенно завершая начатую не один год назад подготовку к нему. Собственно, кроме как в экспансии на запад, в Корею и Китай, у Японии не было выбора – как, впрочем, не было выбора у России в XVI – XVII веках в своей собственной экспансии на восток. Как когда-то в сольвычегодских землях брала начало история Российской империи, так и здесь должна была начаться новая история Японии.

Но по прошествии столетий Российская империя являла собой полную противоположность своему дальневосточному оппоненту. Динамизм экспансии был во многом утрачен, на смену рисковости и личной ответственности, столь ярко и деятельно проявлявшихся со времен Ермака до Г.И.Невельского и Н.Н.Муравьева-Амурского, пришла планомерная забюрократизированность государственной машины. В то же время высокий акматический настрой, пестовавшийся на протяжении столетий, продолжал формировать и поддерживать повышенный энергетический потенциал, нуждавшийся в самореализации. Словно созижденные "планетарной борьбой и катастрофой" угрюмые скалы далекого Порт-Артура, нависающие над свинцовыми зимними водами Желтого моря за тысячи верст от родной земли, связь с которой поддерживается по хрупкой трехфутовой железнодорожной колее, теряющейся в

величии сопок и безлюдных равнин, лучше чего-либо иного давали приют самым дерзким и невыполнимым желаниям. Не хватало лишь пространства для их реализации. По сути дела, на уходящих в океанскую бездну обрывах Квантуна завершался огромный и славный период имперского развития нашей страны. Спустя годы, в одной из песен о Гражданской войне, прозвучат такие строки: "Отступать дальше некуда, // Сзади Японское море. // Здесь кончается наша Россия и мы". В 1903 году они вполне были бы уместны за тысячи верст от Белого Приморья, в предельной точке исторической экспансии России на восток.

Рок ошибок   Как мы знаем, избыток не находящей адекватного приложения человеческой энергии неизбежно ведет к деструкции обрамляющих ее социальных, политических и, в ряде предельных случаев, ландшафтных систем. Отрицание бытия в виде не оправдавшей высоких надежд собственной жизни – одно из характерных и неизбежных последствий подобной общественной патологии. А связанное с ним уже не латентное, а часто открытое стремление к самоубийству, пусть даже с негодованием отрицаемое большинством индивидуумов, на массовом уровне консорции или этноса проявляется сильно и выраженно.

Можно сколь угодно иронизировать над последующим утверждением, но конструктивный, "не-самоубийственный" период пребывания России в Маньчжурии завершился с отставкой Витте, состоявшейся 6 августа 1903 года. Все последующие действия высшей государственной дипломатии, администрации наместника и военных властей ясно и зримо несли на себе печать трудно мотивируемой, но вполне осознанной самоубийственной деструкции. Над большинством принимавшихся в этот период решений довлела как безысходность положения, в котором оказалась Россия то ли усилиями министра финансов, то ли "безобразовской шайки" (поиски виновного не прекращаются до сих пор), так и обреченная решительность в смертельном силовом поединке так или иначе перевернуть эту историческую страницу.

Действительно, на фоне нескрываемых военных приготовлений Японии, в середине декабря 1903 года наместник Е.И.Алексеев ходатайствует перед императором об объявлении мобилизации. Мобилизация позволяла не сколько увеличить численность войск, сосредоточенных на Ляодунском полуострове и корейской границе,

сколько повысить их реальную боеготовность, избежать внезапности удара неприятеля. Но вместо мобилизации в Царском Селе на совещании 16 декабря принимается решение направить Японии очередной пакет предложений, на сей раз допускающих деятельность "иностранных наций" в Маньчжурии с единственной оговоркой, едва ли утешающей русское самолюбие, – "за исключением устройства селтльментов". После передачи этих предложений Японии, которое состоялось лишь спустя 8 дней, 24 декабря, у нашего противника появлялся гарантированный запас времени для завершения военных приготовлений. Двумя сутками спустя, 26 декабря, когда о близящейся высадке японских войск в Корею не говорил разве что ленивый, наместник снова телеграфом запрашивает разрешение императора на объявление мобилизации. В ответ – инструкция, гласящая: "высадку <японских войск. – Авт.> в южной Корею и в Чемульпо допускать. Продвижение японских войск в Северную Корею не считать за начало войны..." [189].

Будучи военным человеком, наместник вице-адмирал Алексеев не мог не понимать преимущества первого удара в любой масштабной войне. Вверенные ему силы, прежде всего Первая тихоокеанская эскадра, еще осенью 1903 года обладавшие превосходством над противником, в полной мере могли воспользоваться преимуществами атакующего первым. Тем более, что практически во всех своих удачных войнах – прежде всего с Турцией и Швецией – Россия поступала именно так. Готовя план превентивного удара, Алексеев планировал сосредоточение флота у восточного побережья Кореи, миноносную атаку на основные силы японского императорского флота на рейде военно-морской базы Сасебо, после чего его дезорганизованные остатки предполагались быть атакованными основными силами Первой тихоокеанской эскадры в районе Цусимы. В интересах реализации данного плана, Алексеев самостоятельно отозвал из Токио в Порт-Артур русского посла барона Р.Р.Розена и 2 октября отдал распоряжение о перекраске кораблей из парадного белого в боевой серо-оливковый цвет. В штаб-квартиру наместника были вызваны высшие офицеры, где в присутствии Розена была подготовлена экстренная зашифрованная телеграмма императору с обоснованием необходимости превентивного удара. По воспоминаниям адъютанта наместника капитана 1 ранга Б.И.Бока, присутствовавшие на совещании не расходились на протяжении 10 часов, готовясь, получив высочайшее согласие, немедленно приступить к подготовке удара. Наконец около 4 часов утра из Санкт-Петербурга был

получен ответ, подписанный главноначальствующим по делам наместничества контр-адмиралом А.М.Абазой и гласящий, что "Государь Император не допускает возможности Великой России объявлять войну маленькой Японии"²³² [190]. Громадная и сильная империя, доселе не церемонившаяся в проведении своих интересов в Китае и Корее, равно как в других частях света, словно замерла в параличе, в момент своей высокой силы уступая инициативу "маленькому хищнику", фактически отдаваясь ему на заклятие.

В том же контексте Россия необъяснимым образом сочла за благо отказаться от локального, не затронувшего бы ее привилегированных отношений с Францией, локального пакта с Германской империей о "дружественном нейтралитете" на Дальнем Востоке. По воспоминаниям германского морского министра адмирала Тирпица, летом 1903 года он был послан Вильгельмом II с личным посланием для императора Николая. На аудиенции Тирпиц позволил себе высказать собственное мнение, в последующем оказавшееся пророческим, о том, что "сосредоточенная в Порт-Артуре эскадра имеет... скорее декоративное значение, нежели боевое, и предложил помощь со стороны Германии. В ответ Николай II заявил, что "ненавидит японцев, не верит ни одному их слову, и отлично сознает всю серьезность положения". Тем не менее, резюмировал император, "мы достаточно сильны, и парализуем всякое вооруженное выступление Японии" [192]. Непостижимым образом локальный союз с Германией – единственным на тот момент дееспособным и дружественным нам партнером на Дальнем Востоке, – союз, ничего не стоивший бы России в других областях,

---

²³²В той же депеше наместник вызывался в Санкт-Петербург для личного доклада Государю – однако, несмотря на присланный за ним специальный поезд, сумел от выезда из Порт-Артура отказаться, сославшись на невозможность оставить пост в столь тревожное время. Однако кипучая деятельность адмирала Алексева по подготовке русского дальневосточного форпоста к активным боевым действиям продолжала пугать высшее политическое руководство – так, 12 января 1904 года, за 2 недели до начала военных действий, он был "отключен от связи" с ранее подчинявшимися ему послами в Токио, Пекине и Сеуле, в результате чего немедленно направил прошение об отставке. Любопытно, что об "отлучении наместника" не знал даже глава МИДа граф Ламсдорф, в то время как коммуникацию с послами осуществлял главноначальствующий по делам наместничества Абаза [191].

Эта коллизия наводит на мысль о некоем тайном заговоре, направленном на втягивание России в войну в максимально неподготовленном состоянии, – как знать, возможно, с целью ускорения последующих внутренних смут... Однако почему тогда ключевую роль в нем играл именно контр-адмирал Абаза, наряду с другими участниками "безобразовской клики" уверенно причислявшийся либеральным общественным мнением к "реакционно-милитаристскому" крылу "адептов самодержавия"?

не состоялся. Опять мы сталкиваемся с непонятной, но и непреклонной волей первых лиц государства к решениям, имевшим самоубийственные последствия.

Столь же немотивированно не были реализованы возможности договориться с Англией. Сменивший королеву Викторю Эдуард VII был вполне склонен отдать Маньчжурию под русское покровительство взамен уступок в куда менее важных для России Тибете, Афганистане и южном Иране. Ослабление английской поддержки вряд ли удержало Японию от войны, однако значительно сократило бы ее военно-технические и политические возможности. Однако и эта возможность была невозмутимо проигнорирована.

Точно так же – несмотря на отсутствие угроз, аналогичных японской, на европейских рубежах Российской империи, лучшие воинские части на протяжении всего 1903 и большей части 1904 года продолжали концентрироваться у западных границ страны²³³. Отборные русские войска – гвардия и гренадеры – в принципе не участвовали в сражениях русско-японской войны [193]. Напротив, большинство частей, расквартированных в Маньчжурии, комплектовались рядовыми старших возрастов, преимущественно из крестьян, оставивших и хозяйство, и семью, и даже взрослых женатых детей с внуками. Отдельные части на $\frac{2}{3}$ были укомплектованы плохо говорящими по-русски и соответствующим образом настроенными польскими крестьянами – "курлябчиками" [194, 195]. Отправка на наиболее опасный участок частей с наихудшим качеством "солдатского материала" – не есть ли это воплощение того самого рокового шага, когда "достигнута последняя ступень" и реализованы все возможные в конкретном месте и времени устремления национального духа?

Мы уже писали о том, что корабли Первой тихоокеанской эскадры вплоть до считанных часов до японского нападения

---

²³³Несмотря на неоднократные обращения военного министерства о необходимости решительно увеличить провозную способность однопутных Забайкальской железной дороги, КВЖД и ЮМЖД с целью переброски на юг Маньчжурии к началу 1904 года четырех армейских корпусов, долгое время никаких мер не предпринималось. Дорога позволяла пропускать в сутки не более 3–4 пар поездов из 12 вагонов с грузоподъемностью примерно 25% от современных, т.е. по 10–12 тонн. Всерьез провозной способностью железной дороги власти озаботились лишь на состоявшемся за 4 дня до начала войны Особом совещании; сметная стоимость соответствующих мероприятий составляла 44 млн. рублей – что оказалось меньше стоимости потери трех линейных кораблей в первую же японскую атаку на Порт-Артур. Лишь путем последующих невероятных усилий и финансовых затрат приемлемая провозная способность в 12–18 пар поездов была обеспечена к лету 1905 года [196].

пребывали в состоянии так называемого "вооруженного резерва". Считается, что автором идеи держать боевые корабли со спущенными вымпелами, неразведенными парами и праздношатающейся в отсутствие походных упражнений большей частью экипажей был Витте, якобы экономивший таким образом бюджетные средства для реализации в Маньчжурии коммерческих проектов. Однако спустя два месяца после отстранения Витте, в октябре 1903 года, наместник Алексеев получает предписание о том, что "с приходом на Восток для усиления флота новых боевых судов, срок вооруженного резерва должен быть увеличен, так как кредиты для плавания судов останутся без изменений". На 1904 год "броненосцам и крейсерам предписывалось находиться в плавании лишь четыре месяца в году, а миноносцам даже только один" [197]. Столь же необъяснимым образом военные суда предписывалось "держать взаперти" во внутренних бухтах Порт-Артурской гавани, без права размещения их на внешнем рейде – оптимальном для организации активной обороны²³⁴. Оказавшись запертой в порт-артурской ловушке, эскадра была обречена на медленное заклятие, а молниеносное установление японского господства на море позволило противнику быстро и практически без потерь переместить на материк полноценные сухопутные армии. А ведь даже без победы над японским флотом, в условиях простого расосредоточения и сохранения русскими кораблями боевых способностей, "пока японцы не приобрели полного господства на море, они вынуждены были оставлять значительные силы для охраны своих побережий и, главное, не могли рискнуть производить высадки на Ляодунском полуострове; вынужденные двигаться через Корею, они давали бы нам время сосредоточиться" [198]. Точно так же, в преддверии предстоящей борьбы на морских коммуникациях, существовали все резоны усилить базировавшуюся во Владивостоке эскадру крейсеров контр-адмирала К.П.Иессена²³⁵, на момент начала войны насчитывавшую лишь 4 боевых вымпела. Обладая Иессен дополнительными силами, максимально приближенными к японским берегам, – и в активе владивостокских крейсеров было бы куда больше эффективных операций и приведенных в качестве призов

---

²³⁴Также категорически было отвергнуто предложение о расосредоточении части эскадры в бухтах коммерческого порта Дальний

²³⁵Владивостокский отряд встретил войну, находясь под командованием капитана 1 ранга Н.К.Рейценштейна, контр-адмирал К.П.Иессен возглавит соединение 20 февраля 1904 года

торговых судов противника²³⁶. Оборона Порт-Артура абсолютно не пострадала бы от отсутствия даже значительного числа боевых кораблей – морские подступы к крепости совершенно надежно прикрывались 10-дюймовыми береговыми батареями с дальностью выстрела 110 кабельтовых (20.3 км), огневой мощи которых в совокупности с защитой рейда небольшими группами миноносцев, как показал боевой опыт, было вполне достаточно для обороны крепости с моря. Наконец, чем рациональным можно объяснить форсирование строительства сухого бетонного дока в незащищенном коммерческом порту Дальний, немедленно захваченном японцами, при отказе – буквально до последних недель перед нападением – профинансировать сооружение сухого дока в Порт-Артуре? В отсутствие стационарных ремонтных мощностей эскадра неизбежно обрекалась на медленную гибель – неважно, сохрани она свободу плавания или оказавшись запертой во внутренней гавани порт-артурской крепости. Что в конечном счете и случилось.

Смертельную опасность для основы русских сил на Дальнем Востоке – флота – представляло несоответствие кораблей по скорости хода. Если новейшие броненосцы, в частности "Ретвизан", развивали скорость до 18 узлов, то основные силы линейных кораблей имели ход не более 14–15 узлов. В то же время и на Черноморском флоте, и на Балтике имелись первоклассные корабли²³⁷, с привлечением которых в течение 1902–1903 гг. вполне могло быть сформировано однородное боеспособное соединение. В результате во время всех немногочисленных выходов эскадры в открытое море скорость лидеров приходилось снижать до уровня наименее быстроходных судов, что тотчас же делало всех одинаково уязвимыми для однотипных по скорости и вооружению японских

---

²³⁶В апреле 1904 года владивостокские крейсера у Гензана уничтожили японский транспорт и 2 малых парохода [199], 15 июня у входа в Симоносекский пролив, всего лишь в 30 милях от крупнейшей военно-морской базы противника в Сасебо, уничтожили 2 вражеских транспорта и взяли призом нейтральный пароход с грузом для Японии, 1 июня взяли призом английский пароход; 17 июля владивостокские крейсера, прорвавшись через узкий 5-мильный Сангарский пролив, разделяющий острова Хонсю и Хоккайдо, смогли спуститься до широты Токио, по пути досмотрев 5 торговых судов и уничтожив семь. "Это крейсерство нанесло прямой ущерб японской торговле, а также заставило крупные нейтральные пароходные компании либо ограничить связь с Японией, либо временно вовсе прекратить ее" [200].

²³⁷Например, новейшие броненосцы типа "Суворов", имевшие 18-узловой ход, водоизмещение в 15 тыс. тонн, мощность машин 15.8 тыс. л.с. и улучшенную броневую защиту.

броненосцев и крейсеров²³⁸. Это обстоятельство сыграет роковую роль и при неудавшейся попытке прорыва эскадры из Порт-Артура 28 июля 1904 года (знаменитый бой в Желтом море), и, конечно же, в роковые дни Цусимского сражения 14–15 мая 1905 г. Не будучи моряком, я не могу судить о моральном праве командиров лучших кораблей ради успеха атаки или прорыва отрываться от своих обреченных на глухую оборону и повышенную уязвимость товарищей. Но с точки зрения элементарной целесообразности, успех и инициатива даже небольшого числа наиболее боеспособных единиц предпочтительнее коллективной гибели. Если, конечно, чувства обреченности или истощенности своей миссии не превалируют над трезвым расчетом и волей к победе²³⁹.

Самоубийствен- ный надлом

Однако будем объективны: чувство истощенности зародилось отнюдь не в сердцах и душах солдат, моряков и их командиров, заброшенных судьбой на край света, а в основе своей было привито "общественным мнением",

---

²³⁸Японский флот, представленный кораблями различных типов, построенных в разные годы, также не отличался однотипностью, однако, благодаря разумному распределению сил, он был представлен вполне однородными соединениями. Весь боеготовый флот был сведен в три эскадры, из которых первые две, включавшие современные корабли, базировались на ближайшей к Порт-Артуру военно-морской базе в Сасебо, а третья эскадра, составленная из устаревших кораблей, несла охрану побережья и Корейского пролива [201]

²³⁹Сказанное здесь относится к общему состоянию командного мышления – причем не только в руководстве эскадренными силами, но и во всей системе военного планирования и управления. В то же время имеется немало ярких примеров, когда личная решимость и воля командира и экипажа корабля буквально взрывали унылую ситуацию обреченности. Здесь уместно привести поразительную по своей смелости атаку, которую в первый же день войны предпринял против флагмана японского флота броненосца "Микаса" легкий крейсер "Новик" по *личной* инициативе своего командира Н.О.Эссена: на предельном 25-узловом ходу он сумел сблизиться с линкором до расстояния 18 кабельтовых (3.3 км) – откуда, сохрани крейсер прежний курс, уже через 2 минуты, с расстояния 10 кабельтовых, он имел бы все шансы в минной атаке вывести из строя флагман императорского флота Японии (одна торпеда с "Новика" была выпущена, однако прошла мимо цели [202]). Лишь благодаря шквальному огню, который, защищая свой флагман, перевели на русский крейсер 12 неприятельских кораблей, "Новик" был вынужден прекратить атаку и вернуться в Порт-Артур. Надо ли говорить, сколь значимо поступок "Новика" поднял дух защитников крепости? Николай Эссен первым из них был награжден золотым оружием. "Новик" также оказался в числе немногих русских кораблей, в сражении 28 июля 1904 года сумевших вырваться за линию морской блокады Порт-Артура, приняв на себя роль лидера части эскадры. В конце концов, он стал единственным из них, отказавшимся от интернирования в нейтральном порту и практически достигшим Владивостока – на пути к которому, у берегов Сахалина, был затоплен командой после тяжелого боя с обнаружившим его японским крейсером "Цусима".

удивительно быстро сменившим бодрый настрой на продолжение динамичного "натиска на Восток" на пораженческие настроения. Если не придерживаться "теории заговора", с помощью которой все события мировой истории становятся элементарно объяснимыми, то причину подобного рода перемены следует, по-видимому, искать в кризисе акматического целеполагания нации. Ведь вместо быстрого и легкого решения проблем развития с помощью новых восточных территорий, реализации столь желанного русской душой начала XX века идеала "новой Америки", Россия быстро получила напряженную, чреватую кровопролитием конфликтную ситуацию, из года в год отвлекающую колоссальные средства и едва не поставившую страну в международную изоляцию. Мы уже писали, что акматический идеал, основанный на идеальных, фантомных ценностях и не подкрепленный обустройством жизненной среды, оказывается крайне неустойчивым и уязвимым. Самоубийственного заклания хрупкого, еще не отстроенного присутствия России на Востоке жаждали отнюдь не носящие военную форму ее сыновья, а, как ни парадоксально, те, кто еще недавно их сюда позвал. Горько читать в воспоминаниях уцелевших защитников Порт-Артура такие слова: "В декабре 1903 и в первые недели 1904 года в кают-компаниях наших судов приходилось... слышать шепотом и с опущенной головой произносимые страшные слова: "В России совсем нет патриотизма" [203].

Но что же явилось спусковым механизмом столь резкой перемены общественного настроения? По-видимому, на первом месте стало массовое неприятие той экономической модели российского присутствия, которую единственно удавалось претворять в Маньчжурии, – с масштабными и малоэффективными казенными проектами, переплетенными с частными интересами узкой группы представителей столичной властно-предпринимательской консорции. Неспроста пресловутая лесная концессия на Ялу – несмотря на всю свою перспективность так и не успевшая выйти за пределы локального проекта, – по причине участия в составе ее акционеров ряда высших должностных лиц и великих князей обрела в общественном сознании столь гипертрофированно негативную роль. Если бы на плодородные маньчжурские земли, тем или иным образом успевшие получить российский протекторат, потянулись в поисках земли, работы и достатка тысячи землепашцев, то, без сомнения, общественное мнение было иным. Во-вторых, в России, уже начавшей осознавать глубинные предпосылки своей исторической судьбы, не мог не

произойти кризис общественного доверия к очередному изданию старой экспансионистской модели, с каждым своим успехом откладывающей "на потом" решение задач обустройства существующего жизненного пространства и перехода к интенсивному типу развития. Точнее и болезненнее всех эту закономерность вскрывали социал-демократы, сумевшие убедить общество в том, что "имперские успехи" помогают царизму сохранять в неприкосновенности "отживший общественный строй". Наконец, не могла не давать о себе знать и высокая энергетичность русского общества, в огромной стране с весьма ограниченным кругом возможностей для самореализации не находившая себе выхода. Пока, на изумление миру, русский флаг продвигался в неведомые ранее уголки земли, эта энергетичность имела, как минимум, ментальный канал сброса – можно было восторженно сочувствовать успехам и строить свои планы с учетом новых возможностей. Когда же встал вопрос о защите сих земель и, в случае успеха такового, об их длительном и рутинном обустройстве, – она стала питать яростную антисистемную деструкцию.

Именно поэтому в газетах с "большой земли", доставлявшихся в Порт-Артур с обычным двухнедельным опозданием, его обитатели всех рангов и званий с непониманием и смятением "читали такого рода вести: "Русская общественность против войны". "Война не встретит сочувствия в широких кругах населения". "Войны в Петербурге не хотят, ее необходимо во что бы то ни стало избежать". "Не бряцайте оружием, не давайте Японии повода объявить нам войну". Из такого рода слагаемых и создавалась та атмосфера неопределенности, которая тяжелым камнем ложилась на личный состав нашей артурской эскадры и гарнизона крепости" [204].

На столь мрачном, напряженном фоне непосредственно перед открытием Японией военных действий, пришедшимся на 26 января 1904 года, на Дальнем Востоке произошел ряд труднообъяснимых, лежащих вне сферы рационального понимания событий.

**Колесо судьбы:
последние
обороты**

Наместник, вице-адмирал Е.И.Алексеев, наделенный, казалось бы, почти царской властью, не был свободен в одном – в вопросах войны и мира. Понимая как никто другой из высших должностных лиц страны, что при сложившейся обстановке и соотношении сил только превентивный удар русского

произойти кризис общественного доверия к очередному изданию старой экспансионистской модели, с каждым своим успехом откладывающей "на потом" решение задач обустройства существующего жизненного пространства и перехода к интенсивному типу развития. Точнее и болезненнее всех эту закономерность вскрывали социал-демократы, сумевшие убедить общество в том, что "имперские успехи" помогают царизму сохранять в неприкосновенности "отживший общественный строй". Наконец, не могла не давать о себе знать и высокая энергетичность русского общества, в огромной стране с весьма ограниченным кругом возможностей для самореализации не находившая себе выхода. Пока, на изумление миру, русский флаг продвигался в неведомые ранее уголки земли, эта энергетичность имела, как минимум, ментальный канал сброса – можно было восторженно сочувствовать успехам и строить свои планы с учетом новых возможностей. Когда же встал вопрос о защите сих земель и, в случае успеха такового, об их длительном и рутинном обустройстве, – она стала питать яростную антисистемную деструкцию.

Именно поэтому в газетах с "большой земли", доставлявшихся в Порт-Артур с обычным двухнедельным опозданием, его обитатели всех рангов и званий с непониманием и смятением "читали такого рода вести: "Русская общественность против войны". "Война не встретит сочувствия в широких кругах населения". "Войны в Петербурге не хотят, ее необходимо во что бы то ни стало избежать". "Не бряцайте оружием, не давайте Японии повода объявить нам войну". Из такого рода слагаемых и создавалась та атмосфера неопределенности, которая тяжелым камнем ложилась на личный состав нашей артурской эскадры и гарнизона крепости" [204].

На столь мрачном, напряженном фоне непосредственно перед открытием Японией военных действий, пришедшимся на 26 января 1904 года, на Дальнем Востоке произошел ряд труднообъяснимых, лежащих вне сферы рационального понимания событий.

**Колесо судьбы:
последние
обороты**

Наместник, вице-адмирал Е.И.Алексеев, наделенный, казалось бы, почти царской властью, не был свободен в одном – в вопросах войны и мира. Понимая как никто другой из высших должностных лиц страны, что при сложившейся обстановке и соотношении сил только превентивный удар русского

флота способен обеспечить инициативу в неизбежной войне, он, как мы знаем, неоднократно ходатайствовал императору о необходимости мобилизации и готовил флот к упреждающему выступлению. Можно лишь поражаться воле, выдержке и мужеству наместника, чьи инициативы всякий раз порождали грозный окрик из Санкт-Петербурга, и который тем не менее, в условиях безденежья и позорного "вооруженного резерва", упорно и планомерно вел работу по накоплению стратегических запасов и повышению боеготовности флота. Достаточно сказать, что в условиях исчерпанности лимитов бюджетного кредитования по просьбе Алексеева ведущую роль в снабжении дальневосточного форпоста принял на себя М.Гинсбург, с 1880 года являвшийся главным поставщиком угля и бункера для тихоокеанской эскадры. С ноября 1903 года, расплачиваясь сверх скудных казенных авансов векселями собственного торгового дома, в условиях уже фактически наступившей торговой блокады Порт-Артура Гинсбург сумел доставить из Японии и Англии²⁴⁰ 123 тысячи тонн угля, а также обеспечить гарнизон достаточными запасами продовольствия и медикаментов. На протяжении всей 143-дневной осады в Порт-Артуре не испытывали нехватки припасов при том, что немалая их часть после падения крепости перешла к неприятелю²⁴¹.

В середине ноября 1903 года Алексеев по собственной инициативе отправил в стратегически важный корейский порт Чемульпо – морские ворота Сеула – броненосцы "Петропавловск" (флагман эскадры) и "Полтава" – единственные, официально числившиеся вне пресловутого "вооруженного резерва". Несмотря на впечатляющий успех этой демонстрации, в Санкт-Петербурге разразился скандал, в результате которого наместник был вынужден вернуть корабли в Порт-Артур. Лишь за несколько недель до войны в Чемульпо был послан слабовооруженный крейсер "Варяг", в

---

²⁴⁰В эпоху парового флота английский высококалорийный уголь "кардифф" был единственным топливом, способным обеспечить военным судам заявленную маршевую скорость. Несмотря на огромное плечо доставки, именно этот сорт угля сжигался в топках и японских, и русских кораблей во всех морских сражениях той войны.

²⁴¹Несмотря на то, что "удачливого еврея" недолюбливали в конкурирующей снабженческой структуре – казенном Главном управлении кораблестроения и снабжения (ГУКиС), именно ему в 1904 году были вынуждены передать наряды на поставки угля в осажденный Владивосток, а также по бункеровке Второй тихоокеанской эскадры З.П.Рожественского (в последующем погибшей у Цусимы). В отличие от многих других коммерсантов, война с Японией не сделала Гинсбурга богаче, и лишь благодаря своей высокой репутации он смог – в условиях потери многих финансовых документов и смерти ряда работавших с ним должностных лиц – получить возмещение по профинансированным за собственный счет расходам [205].

героическом, но коротком бою полностью выведенный из строя, и затопленный экипажем. Однако вряд ли эскадра адмирала Уриу, конвоировавшая транспорты с 10 тысячами японских военнослужащих для оккупации корейской столицы, осмелилась бы приблизиться к Чемульпо, если бы его внешний рейд охраняли два мощных русских линкора с восемью 12-дюймовыми и двадцатью четырьмя 6-дюймовыми орудиями и общим водоизмещением, эквивалентным водоизмещению всех японских крейсеров, участвовавших в операции против "Варяга"²⁴².

За 8 дней до начала войны, к 18 января, наместник на свой страх и риск осуществил вывод кораблей Первой тихоокеанской эскадры из "вооруженного резерва"²⁴³. В корабельные трюмы грузился дефицитный высококалорийный "кардифф", проверялись котлы и машины, орудийные механизмы, устранялась девиация компасов, а суда из тесной внутренней гавани Порт-Артура выводились на внешний рейд. Рано утром 19 января на флагмане эскадры броненосце "Петропавловск" был отдан сигнал к проведению учений. Перед заходом солнца по сигналу с "Петропавловска" дежурные миноносцы вышли на охрану внешнего рейда, а эскадра погасила огни. На следующий день, 20 января, на борту "Петропавловска" под председательством наместника состоялось совещание, на котором, на основании донесений послов и разведывательных сводок, было принято решение, ввиду неотвратимого в самом ближайшем времени нападения Японии, сорвать планы противника упреждающим ударом. Логика момента состояла в том, что, оставаясь сконцентрированным на рейде Порт-Артура, русский флот становился не просто легкой добычей неприятеля, но и тем самым приближал момент его нападения. Немедленно после завершения совещания, Алексеев запросил разрешение императора о выдвигении флота к Чемульпо с целью предотвращения высадки японских сил в Корею. Однако ответа из Петербурга не последовало.

---

²⁴²Суммарное водоизмещение эскадренных броненосцев "Полтава" и "Петропавловск" превышало 22.5 тыс. тонн, в то время как сумма водоизмещений японских крейсеров "Асама", "Нанива", "Такачихо", "Нийтако", "Акаши" и "Чиода" составляло 25.7 тыс. тонн – что, с учетом низких боевых качеств трех последних устаревших судов, не являлось преимуществом. Кроме того, русские броненосцы были практически неуязвимы против 8-дюймовой артиллерии противника, в то время как их восемь 12-дюймовых орудий представляли бы для вражеских крейсеров – из которых только "Асама" имел броневую защиту – смертельную угрозу.

²⁴³Соответствующий приказ был отдан наместником 29 декабря и по удивительной случайности – возможно, будучи забытым в столице, поглощенной празднованием нового года – не был отменен.

Можно только представить, сколь были напряжены нервы всех тех, кто, прекрасно зная складывающуюся обстановку и имея абсолютно реальные возможности взять ее под контроль, часами ожидал высочайшей санкции на выход в поход. Командиры боевых кораблей, офицеры штабов вице-адмирала О.В.Старка и заместника не могли не видеть и не понимать, сколь стремительно сокращаются их возможности достойно и результативно вступить в борьбу. Ведь даже без демонстрации флага у Чемульпо, в случае простого расосредоточения эскадры в Желтом море, противник уже утрачивал инициативу и, скорее всего, был бы вынужден начинать сухопутную кампанию осторожными действиями значительно меньших сил, которым, до переброски подкреплений, эффективно могли бы противостоять даже легковооруженные казачьи части. Война на море в таком случае свелась бы к борьбе на коммуникациях, где японцы, вынужденные перевозить на слабозащищенных гражданских транспортах десятки тысяч военнослужащих с артиллерией, амуницией и т.д., неизбежно несли бы потери от действий русских крейсеров, сразу же после набегов способных быстро укрываться под орудиями расосредоточенных в относительно небольшой акватории Желтого моря семи броненосцев. Безусловно, периодически происходили бы и убийственные дуэли русских и японских кораблей, однако, при примерном равенстве сил по их количеству и вооружению²⁴⁴, а также в условиях одинакового удаления от баз Порт-Артура и Сасебо, их результаты продолжительное время оставались бы паритетными.

Ответ из Санкт-Петербурга не поступал, поэтому в 5 часов утра 21 января Алексеевым был отдан приказ о походе всей эскадрой в южную часть Желтого моря, к расположенному к востоку от английской военно-морской базы Вэйхайвэй Шантунгскому маяку. К 8 часам утра все корабли снялись с якорей и вышли в море. К 16 часам с кораблей эскадры, которая преодолела 90-мильный Печилийский пролив, было видно южное китайское побережье.

---

²⁴⁴При крейсировании относительно расосредоточенными соединениями удалось бы во многом снивелировать такой системный недостаток русской эскадры, как неодинаковость скорости хода. А благодаря присутствию на расстоянии видимости сигнальщиков (не говоря об уже установленных с 1902 на *всех* русских военных кораблях, кроме миноносцев, системах радиотелеграфной связи) в значительной степени исключалась возможность уничтожения одиночных русских кораблей при атаке численно превосходящих сил противника – подобно тому, как англичанами был уничтожен отставший от сопровождения германский тяжелый крейсер “Блюхер” (1915) или шедшие с минимальным сопровождением линкоры “Бисмарк” (1941) и “Шарнхорст” (1943).

Здесь-то ее и достиг пришедший из столицы приказ незамедлительно возвращаться назад. В течение ночи был совершен обратный переход, и утром 22 января эскадра встала на рейде бухты Талиенвань у порта Дальний, считавшейся значительно более удобной для маневрирования и отражения возможных атак неприятеля.

Однодневный Шантунгский поход вызвал переполох в Токио и лицемерный протест японской стороны, из-за которого наместнику было предписано снова "запрятать" корабли на тесном и неудобном внутреннем рейде Порт-Артура, для выхода откуда по узкому слабозащищенному проходу эскадре в полном составе требовалось до 12 часов. С огромным трудом Алексееву удалось убедить своих кураторов разрешить кораблям оставаться на внешнем рейде, на что последние согласились с оговоркой: без опускания противоминных сетей.

Тем не менее ситуация на Дальнем Востоке становилась настолько очевидной в своей неконтролируемой взрывоопасности, что буквально не могла не подвигать наместника и находившихся при нем командиров на подготовку самостоятельных действий. Тогда в Санкт-Петербурге было решено предпринять радикальную попытку остановить эскалацию напряженности. Наместнику была отправлена секретная телеграмма с предписанием... незамедлительно вступить в переговоры с Японией и согласиться на все (!) ее условия. Телеграмма была получена в Порт-Артуре, вероятнее всего, 23 января. Из воспоминаний морского врача Я.И.Кефели, в 1903–1904 году служившего при аппарате Наместника, следует, что сотрудник дипломатической канцелярии Н.С.Мулюкин в тот же день лично зашифровал и попытался отправить телеграмму Алексеева русскому послу в Токио с требованием немедленно предложить японской стороне возобновление переговоров *на ее условиях* [206]. Со слов Мулюкина, телеграмма не была принята станцией Нагасаки, в результате чего последняя возможность отвести войну оказалась упущенной.

Однако, зная характер наместника Алексеева, безусловное понимание им планов и мотиваций противника, его длительную и уже почти увенчавшуюся успехом борьбу со столичными кураторами за право мобилизовать силы для нанесения превентивного удара и несомненные успехи в подготовке такового, трудно предположить, что вице-адмирал с радостью уклоняющегося от боя новобранца вступит в переговоры о мире на *любых условиях*. Скорее всего, унижительная для наместника телеграмма в Токио

Здесь-то ее и достиг пришедший из столицы приказ незамедлительно возвращаться назад. В течение ночи был совершен обратный переход, и утром 22 января эскадра встала на рейде бухты Талиенвань у порта Дальний, считавшейся значительно более удобной для маневрирования и отражения возможных атак неприятеля.

Однодневный Шантунгский поход вызвал переполох в Токио и лицемерный протест японской стороны, из-за которого наместнику было предписано снова "запрятать" корабли на тесном и неудобном внутреннем рейде Порт-Артура, для выхода откуда по узкому слабозащищенному проходу эскадре в полном составе требовалось до 12 часов. С огромным трудом Алексееву удалось убедить своих кураторов разрешить кораблям оставаться на внешнем рейде, на что последние согласились с оговоркой: без опускания противоминных сетей.

Тем не менее ситуация на Дальнем Востоке становилась настолько очевидной в своей неконтролируемой взрывоопасности, что буквально не могла не подвигать наместника и находившихся при нем командиров на подготовку самостоятельных действий. Тогда в Санкт-Петербурге было решено предпринять радикальную попытку остановить эскалацию напряженности. Наместнику была отправлена секретная телеграмма с предписанием... незамедлительно вступить в переговоры с Японией и согласиться на все (!) ее условия. Телеграмма была получена в Порт-Артуре, вероятнее всего, 23 января. Из воспоминаний морского врача Я.И.Кефели, в 1903–1904 году служившего при аппарате Наместника, следует, что сотрудник дипломатической канцелярии Н.С.Мулюкин в тот же день лично зашифровал и попытался отправить телеграмму Алексеева русскому послу в Токио с требованием немедленно предложить японской стороне возобновление переговоров *на ее условиях* [206]. Со слов Мулюкина, телеграмма не была принята станцией Нагасаки, в результате чего последняя возможность отвести войну оказалась упущенной.

Однако, зная характер наместника Алексеева, безусловное понимание им планов и мотиваций противника, его длительную и уже почти увенчавшуюся успехом борьбу со столичными кураторами за право мобилизовать силы для нанесения превентивного удара и несомненные успехи в подготовке такового, трудно предположить, что вице-адмирал с радостью уклоняющегося от боя новобранца вступит в переговоры о мире на *любых условиях*. Скорее всего, унижительная для наместника телеграмма в Токио

просто не была отправлена. А с целью снять с себя возможные обвинения молодому шифровальщику было поручено, как бы между делом, предать огласке как сам факт получения секретной телеграммы из столицы, так и неудачу с передачей распоряжения в российское посольство. Если это так, то именно волей наместника была поставлена точка в уже ставшим бессмысленным дипломатическом диалоге. Но, с другой стороны, и никто в Петербурге не признался в отправке подобной инструкции, перечеркивающей все достижения страны на Дальнем Востоке за последние годы. Скорее всего, данный эпизод волею всех посвященных в него должностных лиц был, к общему согласию, замят.

Описывая историю с "затерявшейся телеграммой", Кефели как бы оговоркой делает принципиальное замечание: он сам и практически все его сослуживцы, находившиеся в Порт-Артуре, не боялись и буквально жаждали открытия военных действий. Последняя на тот момент война, в которой участвовала Россия, завершилась 26 лет, последняя крупная европейская война – 34 года назад. Наместник не мог не учитывать подобных настроений, поэтому он вполне мог и отказаться от шага, теоретически способного войну отвести.

Уже на следующий день, 24 января, Алексеевым было получено сообщение о разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией – при этом МИД особо предписывал начальнику дипломатической части наместничества Плансону сделать разъяснения о том, что разрыв дипотношений “не означает войны”. В качестве примера приводилась Болгария, разорвавшая отношения с Россией с 1886 по 1896 гг., однако почему-то так не напавшая на нас. Безумство поступавших одна за другой из Санкт-Петербурга инструкций и предписаний, требующих спокойствия и проявления миролюбия любой ценой, нарастало. А ведь именно в тот самый день, 24 января по старому стилю, первые части японской армии открыто приступили к высадке на корейский берег в местечках Фузан и Мозампо [207] – что в век телеграфа могло оставаться тайной не более считанных часов.

Днем позже, 25 января, из туземных кварталов Порт-Артура и Дальнего началось повальное бегство подданных Японии и части китайского населения²⁴⁵. Рано утром 26 января из ближайшего

---

²⁴⁵Так или иначе японским подданным (стало быть, и русской агентурной разведке) было известно, что еще 23 февраля (ст. стиль) командующему Соединенными

китайского порта Чифу прибыл японский консул, с тем чтобы забрать последних из оставшихся в городе соотечественников. Нет сомнения, что на палубе зафрахтованного им английского парохода, среди японских торговцев, парикмахеров и жриц любви²⁴⁶, находились и переодетые японские офицеры с пеленгами на застывшие на внешнем рейде корабли Первой тихоокеанской эскадры. Поскольку ни для кого в крепости и городе не был секретом конфликт наместника с Санкт-Петербургом, результатом которого стало строжайшее запрещение каких-либо заметных действий, можно было не сомневаться в том, что до 23:33 того же дня – до момента первой атаки японской эскадры под командованием вице-адмирала Х.Того, – пеленги русских кораблей не изменятся.

Но, несмотря ни на что, наместник Алексеев не желал соглашаться с ролью статиста. В ходе нескольких совещаний с командующим эскадрой адмиралом Старком, наместником принимается решение утром 27 января выступить всеми силами эскадры в район Чемульпо – на сей раз даже вопреки возможному очередному запрету из столицы. Последнее совещание, уточнившее детали предстоящего похода, завершилось 26 января ровно в 23 часа. Были отданы команды по организации боевого охранения, связи, освещению рейда и т.д. Все, казалось бы, было сделано для безопасной ночной стоянки перед утренним боевым походом. Можно долго спорить о достаточности и полноте отданных распоряжений, но будем иметь в виду: военно-морская практика начала XX века еще не успела обогатиться ни опытом боевого охранения парового эскадренного флота, ни его боевого позиционирования в условиях близости неприятельских сил.

Тем не менее как минимум два распоряжения, переданные еще несколько дней назад, имели роковые последствия. С целью максимально усилить авангард готовящейся к походу эскадры, на вторую линию рейда – непосредственно за линией дежурных крейсеров – были загодя поставлены ее лучшие броненосцы, "Цесаревич" и "Ретвизан". А миноносцам, посланным патрулировать дальние подступы к рейду, был отдан приказ: в случае обнаружения

военно-морскими силами Японии адмиралу Х.Того был вручен приказ об открытии военных действий [208].

²⁴⁶«В последнюю неделю перед войной позакрывались почти все японские лавочки и парикмахерские, а в последние дни стали эвакуироваться японские публичные дома. Японские девицы, "мусме", построенные парами, как институтки, длинными вереницами шли днем через весь город грузиться на пароходы, привлекая к себе всеобщее внимание" [209].

опасности – без подачи сигналов полным ходом идти к находящемуся в глубине диспозиции (на предпоследней линии) флагману "Петропавловск" и докладывать о случившемся.

Безусловно, оба этих решения стали известны японским осведомителям, сыграв роковую, самоубийственную роль в судьбе готовящейся к боевому походу эскадры. Для первой атаки японцы назначили миноносцы типа "Агтоу", по внешним очертаниям схожие с русскими миноносцами проекта "Сокол" [210]. Не подавая сигналов, при включенных огнях, в полном соответствии с известным всем приказом, вражеские миноносцы смогли неопознанными приблизиться к первым двум линиям русских кораблей на расстояние прицельного торпедного залпа. В 23:33 подводный взрыв сотряс корпус броненосца "Ретвизан", в 23:35 прицельно выпущенная японская торпеда поразит "Цесаревич", в 23:45 – крейсер "Паллада". Получившие тяжелые пробоины и принявшие сотни тонн воды, поврежденные корабли сумеют развести пары и дойти до прохода во внутреннюю гавань. Однако из-за начавшегося отлива оба броненосца, во избежание закупорки прохода на внутренний рейд, будут направлены своими командирами на прибрежную отмель. Не имея возможности войти в бухту, сядет на мель и "Паллада". Сутки спустя "Цесаревич" и "Паллада" будут сняты с мели, "Ретвизан" же, продолжая прикрывать своими орудиями подходы ко внутреннему рейду, будет выведен с отмели лишь 28 суток спустя. Из-за незавершенности постройки сухого дока подводный ремонт поврежденных кораблей придется осуществлять путем трудоемкого подведения деревянных кессонов – что в самые первые, наиболее важные для исхода борьбы на море месяцы надолго лишит русскую эскадру ее лучших кораблей.

Японские миноносцы, прикрываемые со стороны моря мощной эскадрой Х.Того, в ночь на 27 января атаковали, казалось бы, полностью готовый к отпору русский флот, ведомые поистине непостижимой удачей. Ушедшие в ночной дозор русские миноносцы "Бесстрашный" и "Расторопный" двигались с включенными огнями, благодаря чему японцы сумели их вовремя заметить и обойти, спрятавшись за полосой тумана. Выпущенные неприятелем торпеды точно легли в цели лишь потому, что "Ретвизан" и "Паллада", назначенные на ту ночь дежурными по освещению, светили мощными тысячесвечными прожекторами горизонт, а стоявший мористее всех других кораблей "Цесаревич" после первых же

взрывов немедленно включил прожектора в поисках кораблей противника.

И наконец, чьей-то непостижимой, мистической волей в предвоенную ночь – сразу же, как только солнце скрылось за громадой мрачного Ляотешаньского хребта, – был, как обычно, зажжен входной порт-артурский маяк. "Маячная часть продолжала действовать по законам мирного времени. Но на этот раз маяк был зажжен как бы нарочно для того, чтобы атакующий неприятель мог легче ориентироваться ночью" [211].

Роковая ночь с 26 на 27 января 1904 года стала той точкой, в которой не просто пересеклась воля двух решивших вступить в противоборство народов, но и на смысловом, знаковом уровне были декларированы способ и метод, с которыми противники намерены вести борьбу. Далекие от столичных интриг и "общественного смятения", русские люди в Порт-Артуре, заброшенные сюда очередной эманацией многовекового акматического идеала экспансии, вступили в борьбу, бесстрастно высветив место предстоящего боя и не имея возможности отвернуть, укрыться в тумане и отступить, возвратившись в унылое, бедное и необустроенное прежнее бытие.

В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах,-
Неумолимое, холодное бесстрастье;
Последний луч зари чуть брезжит в облаках,
Как память о минувшем счастье.
Безмолвным сумраком полна душа моя:
Ни страсти, ни любви с их сладостною мукой,-
Все замерло в груди. Лишь чувство бытия
Томит безжалостною скукой²⁴⁷.

Логика многовекового движения на Восток, закалившая волю, но не согревшая душу, действительно не предполагала возможности отступить. Чужая скалистая земля, внезапно обретшая сакральный смысл, в буквальном смысле уходила из-под ног, перенося центр борьбы – впервые в истории России – в холодные морские пространства. Смысл жизни концентрировался исключительно в победе, не оставляя иного выбора: если не победы над врагом, то победы над смертью.

---

²⁴⁷Д.Мережковский, 1887 г.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ

